

УДК 34(091)

Куляскина Ирина Юрьевна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

ihandoshko@mail.ru

Титлина Елена Юрьевна

Амурский государственный университет

г. Благовещенск, Россия

etitlina@mail.ru

Irina Y. Kulyaskina

Amur State University

Blagoveschensk, Amur region, Russia

ihandoshko@mail.ru

Elena.Y. Titlina

Amur State University

Blagoveschensk, Amur region, Russia

etitlina@mail.ru

МЕТАМОРФОЗЫ ДЕМОКРАТИИ

METAMORPHOSES OF DEMOCRACY

Аннотация. Невозможно обозреть всю литературу, посвященную демократии: она была предметом и политической философии, и истории философской мысли, и политических наук. Однако до настоящего времени не существует общепринятого определения демократии. Авторы статьи исходят из понимания демократии как феномена одновременно и социальной, и духовной культуры, который претерпевает изменения в ходе исторического развития. Анализ и осмыслению этих изменений посвящена настоящая статья.

Abstract. It is impossible to review all the literature devoted to democracy; it has been the subject of political philosophy, the history of philosophical thought, and political science. However, to date there is no generally accepted definition of democracy. The authors of this article proceed from the understanding of democracy as a phenomenon of both social and spiritual culture, which is undergoing changes in the course of historical development. This article is devoted to the analysis and understanding of these changes.

Ключевые слова: демократия, демократическая идея, демократия как теоретический конструкт, демократический лозунг, Античность, Возрождение, Новое время, массовая культура, политика.

Key words: democracy, democratic idea, democracy as a theoretical construct, democratic slogan, Antiquity, Renaissance, Modern times, mass culture, politics.

DOI: 10.22250/20730268_2022_96_7

Трудно найти предмет, по поводу которого было бы написано больше, чем о демократии. О ней размышляли философы, ее изучали специалисты в области политических и социальных наук, писали публицисты и говорили политики. Тем не менее, если спросить любого человека, что такое де-

мократия, то в большинстве случаев получим или перевод значения слова – «власть народа», или указание на такой ее важнейший признак как выборность власти большинством народа.

Казалось бы, можно удовлетвориться этими ответами. Однако тогда получается – и об этом спокойно пишут как историки, так и политики, – что Гитлер пришел к власти демократическим путем, поскольку был избран большинством населения. С другой стороны, если посмотреть на закон о выборах, на основе которого выбирают президентов в США, и на практику проведения выборов, невозможно не заметить, что они мало напоминают традиционный образ демократии. Отдельный разговор – финансирование предвыборных кампаний, когда реализуется принцип «кто платит, тот и заказывает музыку». Тем не менее, сами США, а вместе с ними весь «коллективный Запад» позиционируют свою и внутреннюю, и внешнюю политику как образец демократии. При этом США не утрачивают статус образцовой демократии и тогда, когда несут «демократические ценности» на крыльях бомбардировщиков в страны, не желающие идти в фарватере американской политики.

В то же время советскому, а позже и современному российскому государству эти же авторы в демократичности отказывают, обвиняя государство в тоталитаризме, а его главу – в стремлении к деспотизму. Это вызывает тем большее недоумение, что Россию 90-х гг. прошлого века, когда она едва не лишилась государственного суверенитета, а власть фактически находилась в руках так называемой «семибанкирщины», признавали вполне демократичной.

Закономерно возникает вопрос: что же такое в этом случае демократия? Этот основной вопрос закономерно порождает ряд других. В частности, существуют ли общепринятые – «научные» – критерии и признаки демократичности? И является ли демократия безусловной и универсальной ценностью?

Чтобы ответить на этот и другие подобные вопросы, необходимо проследить историю демократии и в качестве феномена духовной культуры, и в качестве политической практики.

Как известно, впервые демократия появилась в Древней Греции, точнее, в Афинах, благодаря реформам Солона. В любом учебнике истории, включая школьный, сообщается, что она заключалась в том, что все сколько-нибудь важные для полиса решения принимались народным собранием; впервые в истории стало применяться голосование путем тайной подачи голосов на основе принципа «один человек – один голос». Право (и обязанность) участвовать в народном собрании имели только совершеннолетние граждане мужского пола. Женщины и метеки (не-граждане), не говоря уже о рабах, на собрание не допускались. Важно отметить, что делегирования своих полномочий народом государственной власти, как это можно наблюдать в современном мире, еще не было.

Примечательно, что афинские философы, прежде всего Платон и Аристотель, к демократии относились довольно скептически. Созданная Платоном модель идеального государства ни в малой степени не походила на демократию. Аристотель же вообще относил эту форму правления к «неправильным».

Здесь важно отметить, что в этот период никто из мыслителей не воспринимал демократию как идеальную форму правления. Перед ними был феномен – афинская демократия в том виде, в каком она сложилась в ходе политического развития древнегреческого полиса, и они этот феномен осмысливали. Иными словами, в этот период политическая практика «шла впереди» философских размышлений. Важно всем, кто говорит или пишет о древнегреческой демократии, помнить, что они имеют дело с некой эмпирической реальностью, хотя она и относилась к далекому прошлому.

В Средневековье только отдельные мыслители обращались к теме народовластия. Предметом общественно-политического дискурса в этот период демократия не была. Наиболее ярким и последовательным средневековым автором считается Марсилиус Падуанский, высказавший еще в XIV столетии мысли, напрямую перекликающиеся с идеями «Общественного договора» Ж.-Ж. Руссо, выступившим с ними накануне Великой французской революции. В XVI в. интерес к идее народовластия

ослабел, торжествует принцип наследственной монархии (Клод Сейселль, юристы тулузской школы, Боден). И хотя живший в это же время Готман «настаивает на верховных правах народа и говорит о границах королевской власти...» [1, с.55], однако под народным правлением он понимает не демократический режим, а сословное представительство, которое вполне согласуется с феодально-сословным политическим строем.

Характеризуя воззрения авторов, высказывавшихся в этот исторический период в пользу народовластия, П.И. Новгородцев отмечает, что «демократическая идея у публицистов XVI в. была не более чем фикцией... служившей исключительно для целей партийной борьбы» [2, с.58].

В действительности демократическая идея в современном значении слова зарождается только в XVII в. – в эпоху раннебуржуазных революций в Нидерландах и Англии. Провозвестниками новой (новоевропейской) демократии выступили левеллеры (Р. Вильямс) и индипенденты (Коттон), впервые провозгласившие, что «истинный суверенитет в государстве принадлежит народу, который всегда остается судьей всех государственных дел» [3, с.83]. Мильтон, провозгласив, что власть королей возложена на них как поручение, а подлинным источником власти является народ, тем самым утверждал совместимость народовластия с монархической формой правления. Таким образом, есть основания утверждать, что в XVII в. мыслители отождествляли демократию с народным суверенитетом. Важно отметить, что вплоть до эпохи Просвещения о демократии рассуждали преимущественно публицисты; предметом научно-философского дискурса она еще не была.

В Новое время идея демократии оказалась востребованной нарождающейся буржуазией, которая в этот период была передовым классом. Наиболее полно и отчетливо феодально-сословный строй проявился во Франции, где все население делилось на три сословия: духовенство и дворянство образовывали первое и второе сословия соответственно, которые были привилегированными, а все остальные входили в состав третьего сословия, не имевшего никаких привилегий. Хотя экономическое положение буржуазии существенно отличалось от положения крестьян и городских ремесленников, она была так же бесправна в политико-правовом отношении. Борьба за политическую власть в одиночку молодой и пока еще малочисленной буржуазии была обречена на неудачу. Идеологи грядущей буржуазной революции – осознанно или неосознанно – стремились сделать ее союзником в борьбе за новый политико-правовой порядок широкие слои населения. В их сознании буржуазия стала отождествляться с третьим сословием, а третье сословие – с народом.

Демократическая идея в этот период имеет некоторые особенности. Прежде всего это причина ее востребованности: идеологами поднимающейся буржуазии она использовалась как замена принципа наследственной монархии, служившего основанием легитимизации государственной власти в эпоху Средневековья. Поскольку принцип наследственной монархии утверждался средствами религии, т.е. имел метафизическое основание, то и идея демократии, на которую возлагалась миссия низвержения феодального способа обоснования власти, должна была также иметь сакральный характер. Характеризуя отношение к демократической идее ее провозвестников, П.И. Новгородцев писал, что они «соединяли с своей проповедью чисто религиозной воодушевление. Для них демократия была своего рода религией» [4, с.394-395]. И это вполне объяснимо: пока демократическая идея была востребована только в качестве средства идейной борьбы со средневековым принципом наследственной монархии, основанным на представлении о божественном характере королевской власти, она неизбежно должна была, как и монархическая идея, иметь религиозно-метафизическую коннотацию.

Социально-политическое развитие новоевропейского общества, вставшего на буржуазный путь, потребовало превращения демократической идеи в ее метафизическом варианте в теоретический конструкт. Идейной предпосылкой решения этой задачи явилось рождение первых философских концепций государства. Важную роль в их возникновении сыграли две идеи: идея разделения властей (Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье) и идея неотъемлемых прав человека. Сам факт их появления

свидетельствовал о назревшей необходимости перейти от эмоционально-ценностного отношения к демократии, что было характерно для периода подготовки буржуазных революций в Европе, к рационально-теоретическому ее обоснованию, что знаменовало начало формирования теоретического ядра будущего научного понятия демократии в политологии. Превращение демократической идеи в том виде, в каком она существовала в период борьбы против принципа наследственной монархии, в теоретическую концепцию, которая могла бы в перспективе перерасти в проект политического переустройства общества, предполагало согласование принципа народовластия с принципом разделением властей, а принцип принятия решения большинством голосов – с идеей неотъемлемых прав человека на жизнь, свободу и собственность. Наиболее репрезентативной в этом плане представляется концепция Ж.-Ж. Руссо.

Применяя при построении умозрительной модели демократического политического устройства (а не просто установлении демократической формы правления), Руссо приходит к следующим выводам: во-первых, подлинная демократия – это прямая демократия, которая в существующих условиях возможна разве что в Швейцарии, во-вторых, далекая от совершенства человеческая природа вообще не позволяет реализовать демократический принцип государственного устройства. Демократическим могло бы быть лишь «государство богов». Таким образом, для «отца демократии» демократия была неосуществимым идеалом. Тем не менее, творчество Руссо явилось той точкой, от которой пошло двойное употребление слова «демократия»: как теоретического понятия и как политического лозунга.

В качестве политического лозунга демократия получила распространение в общественном сознании в ходе и в результате буржуазных революций XIX в., сменив лозунг Великой французской революции «Свобода! Равенство! Братство!». Смена лозунга наглядно показывает, как изменился характер политической борьбы и способ вовлечения в нее широких народных масс: на смену этическому устремлению пришли прагматические цели. Примечательно, что, обретя форму рационально-теоретически обоснованного требования, лозунг демократии сохранил внешний вид идеала политического устройства. Эта особенность превратила понятие «демократия» в руках политиков стран так называемых «либеральных демократий» в средство манипулирования сознанием масс. Видя в гражданах своей страны только электорат, политическая элита не просто обещает им реальное участие во власти, но и провозглашает демократию безусловной цивилизационной ценностью, хотя на деле не допускает никакого действительного народовластия.

В XX в. трансформация понятия и образа демократии продолжается. Прежде всего этот процесс обнаруживает себя в появлении производных от родового понятия «демократия» таких видовых понятий как «народная демократия», «либеральная демократия» и даже «фашистская демократия». Разнообразие политических режимов, к которым применяются эти термины, позволяет утверждать, что из политического лозунга демократия превратилась в политический миф, когда на место теоретического конструкта вновь приходит ценностно окрашенный образ с довольно размытыми чертами, но ярко выраженной позитивной окраской, а в некоторых идеологических конструкциях демократия обретает статус общественно-политического идеала. При этом самому слову «демократия» возвращается его первоначальный семантический смысл – «народовластие».

На ложность такой трактовки демократии обращал внимание С.Л. Франк. «Народ, – писал он, – есть всегда, даже в самом демократическом государстве, исполнитель, орудие в руках какого-либо направляющего и вдохновляющего меньшинства. Это есть простая, незыблемая и универсальная социологическая истина: действенной может быть не аморфная масса, а лишь организация; всякая же организация основана на подчинении большинства руководящему меньшинству» [5, с.254].

Использование слова «демократия» в XX в. имеет еще одну особенность. Если в эпоху буржуазных революций демократия в качестве политического лозунга имела реальное содержание –

призыв к смене государственного устройства, то теперь этот лозунг стал использоваться в межпартийной борьбе в рамках существующего политического режима. Лозунг, по существу, становится средством манипулирования сознанием электората.

Такое манипулирование происходит и в международном масштабе. Термин «демократия» превращается в своеобразный маркер, применяемый коллективным Западом для различения «своих» и «чужих»: демократическими объявляются государства, следующие в фарватере его политики (например, современная Украина), а правители государств, отказывающихся быть его вассалами и реализующих самостоятельную политику, в западном политическом дискурсе считаются «кровавыми тиранами». При этом для борьбы с ними западные государства во главе с США прибегают к интервенциям и прямым военным вторжениям. Так было не только в Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии, но и на территории самой Западной Европы – в Югославии. Практически ликвидация «тоталитарных» и «авторитарных» режимов всегда сопровождалась и сопровождается уничтожением их государственного суверенитета. И если это не получилось в Сирии и Афганистане, то это вовсе не «заслуга» западных демократий.

Таким образом, можно утверждать, что принцип демократии в международных отношениях, как показывает исторический опыт, себя не оправдал. Видимо, его следует заменить принципами коллективной и неделимой безопасности и равного суверенитета государств.

Возникнув как феномен политической жизни античного полиса, демократия пережила ряд трансформаций: от метафизического обоснования борьбы за сословно-представительную монархию на излете Средневековья – к политическому лозунгу с реальным содержанием смены государственного устройства в эпоху буржуазных революций и от него – к идеологическому мифу как средству манипулирования общественным сознанием и во внутривнутриполитической жизни, и в международных отношениях в эпоху господства буржуазии. История философско-политической мысли, имеющей своим предметом демократию, свидетельствует, что все идеи, концепции и теоретические конструкции были отражением в общественном дискурсе этих трансформаций.

В научно-философской мысли – политической науке и философии политики – шла и продолжается работа, с одной стороны, над осмыслением исторического опыта по внедрению демократической идеи в социально-политическую практику, а с другой стороны, не прекращается поиск новых смыслов демократии как теоретического конструкта, с целью выявления потенциальных возможностей ее как политического инструмента.

1. П.И. Новгородцев. Лекции по истории философии права // Новгородцев, П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – С.15-234.

2. Там же.

3. Там же.

4. П.И. Новгородцев. Демократия на распутье // Новгородцев, П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – С.388-406.

5. Франк, С.Л. De profundis // Из глубины: Сб. ст. о русской революции / С.А. Аскольдов, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков и др. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С.251-269.